

УДК 316

<https://orcid.org/0000-0003-1165-1768>

О. А. Воронкова

Сетевая интериоризация – становление новой мотивационной матрицы социально-политического участия

Для цитирования: Воронкова О. А. Сетевая интериоризация – становление новой мотивационной матрицы социально-политического участия // Социально-политические исследования. 2020. № 1 (6). С. 17–28. DOI 10.20323/2658-428X-2020-1-6-17-28

В статье рассматриваются процессы изменения общественного сознания и поведения под влиянием сетевой интериоризации, то есть проникновения новых электронно-коммуникативных технологий во все сферы жизни. Рассматриваются вопросы и проблемы становления дискурсивных механизмов социализации, формирования новых импульсов социального и политического участия. Подчеркивается, что в условиях сетевой интериоризации активно размываются границы между «политическим» и «социальным», «политическое» становится «социополитическим», создается новое сообщество социально-политических акторов, стремящихся участвовать в формировании и исполнении политических решений. Сетевая интериоризация является новым форматом социализации личности, так как активно мыслящие члены общества становятся наблюдателями за всеми социально-политическими действиями власти, имея возможность публично в сети высказывать свое мнение. В новых сетевых условиях происходит качественное изменение общественного сознания. Особое внимание уделяется перспективам изменения социально-политических отношений, усилению роли общественного мнения в принятии политических решений.

Ключевые слова: сетевая интериоризация, социализация, самокоммуникация, публичная сфера, дискурсивная культура.

О. А. Voronkova

Network interiorization – the emergence of a new motivational matrix of social and political participation

The article examines the processes of changing public consciousness and behavior under the influence of network interiorization, i.e. the penetration of new electronic and communicative technologies in all spheres of life. The issues and problems of establishing discursive mechanisms of socialization, formation of new impulses of social and political participation are considered. It is emphasized that in the conditions of network interiorization, the boundaries between "political" and "social" are actively blurred, "political" becomes "sociopolitical", and a new community of socio-political actors is created who seek to participate in the formation and execution of political decisions. Network interiorization is a new format of socialization of the individual, as

© Воронкова О. А., 2020

actively thinking members of society become observers of all socio-political actions of the government, having the opportunity to publicly express their opinions on the network. In the new network environment, there is a qualitative change in public consciousness. Particular attention is paid to the prospects of changing social and political relations, strengthening the role of public opinion in political decision-making.

Keywords: network interiorization, socialization, self-communication, public sphere, discursive culture.

По убеждению классиков концепции «электронно-сетевой коммуникации» (М. Маклюэн, М. Кастельс) новые цифровые технологии многократно ускоряют процессы эволюционных изменений в массовом сознании. В результате взаимодействия технологических и социальных факторов, возникает новое, существенно отличающееся от прежнего качество социальной жизни. Пытаясь разобраться с тем, как это качество возникает, М. Маклюэн предлагает «теорию расширения человека». Центральная идея М. Маклюэна состоит в том, что изобретение любой новой коммуникационной технологии меняет человеческое восприятие мира и возвышает сознание на новую ступень развития. Так, изобретение в свое время «фонетического алфавита с его абстрагированием значения от звука и переводом звука в визуальный код» переместило человека из «магического мира звука» в «нейтральный визуальный мир». Человек, до этого воспринимавший мир на слух и находившийся во власти фантазийно-магических представлений, трансформировался в «человека письменного», и это предоставило

ему возможность свободно и непосредственно выражать свои чувства и мысли, «быть в высшей степени экстравертированным», раскованным [Маклюэн, 2004, с. 26-33].

Фонетический алфавит стал, по мнению Маклюэна, средством создания «цивилизованного человека» и «общества обособленных друг от друга индивидов, равных перед письменным правовым кодексом» [Маклюэн, 2007, с. 95]. По мере того как технологические расширения человеческих возможностей восприятия охватывают социальные сообщества, меняются способы взаимодействия во всех сферах жизни – совершаются основательные социально-культурные изменения. В современную эпоху электронных сетей, центральная нервная система человека, как сама по себе «электрическая сеть, координирующая работу всевозможных средств, которыми пользуются наши органы чувств», технологически расширяется вовне, «вовлекая индивидуума в жизнь всего человечества», «вживляя в нас весь человеческий род», в результате чего «мы вынуждены глубоко участвовать в последствиях каждого своего действия» [Маклюэн, 2007, с. 5].

М. Кастельс, продолжая мысль Маклюэна, вводит «гипотезу синергии». Принципиально новый тип коммуникации ведет к эволюционным изменениям нейронных сетей мозга – «возникает эффект синергии между технологическим изобретением и социальной эволюцией» [Кастельс, 2017, с. 16]. Процесс «синхронной активизации нейронов» в различных узлах нервной системы формирует под влиянием внешних импульсов сложные образы окружающей реальности, которые остаются в «банке памяти» мозга. В процессе жизни эти образы постоянно сопоставляются с внутренними изменениями организма и с изменениями в окружающей среде. Мышление в процессе создания внутренних сетей соотношения «объединяет паттерны сознания с паттернами сенсорного восприятия, возникающими при контактах с материей, энергией и деятельностью, представляя собой весь наш опыт – прошлый, настоящий и будущий» [Кастельс, 2017, с. 192].

Сознание, – утверждает Кастельс, – это материальный процесс, в ходе которого происходит постоянная интеграция увеличивающегося числа ментальных образов. Усиление интеграционной мощи мыслительных процессов увеличивает возможности разума для решения возникающих проблем. Эта возрастающая способность к рекомбинации мыслительных образов расширяет творческие возмож-

ности. Но творящее сознание нуждается в организующем этот сложный процесс принципе. На высокой стадии развития сознание трансформируется в самосознание – способность управления собственными мыслительными процессами. Поскольку именно через коммуникацию человеческое сознание взаимодействует с окружающей средой, новый ее способ должен играть ведущую роль в переформировании человеческого сознания. М. Маклюэн, в рамках своей терминологии, утверждает, что «расширение тела в новые социальные технологии и изобретения» устанавливает «новое равновесие между всеми чувствами и способностями», ведущее к «новому мировоззрению», то есть к новым установкам и предпочтениям в самых разных сферах [Маклюэн, 2007, с. 64]. Вместе с сетевой интериоризацией – проникновением во все сферы жизни новой технологии – происходит перестройка всех форм восприятия.

Социальные сети в цифровом пространстве «связывают сознания и их коммуникативную среду», что «равносильно переоснащению нашего разума» [Кастельс, 2017, с. 477]. Центрированные самосознания не только интериоризируют (вбирают в себя, усваивают) новые условия коммуникации, но и сами интериоризируются (всасываются, поглощаются) сетью. Любое мнение, высказанное в сетевой дискуссии, начинает жить собственной жизнью – его понимание, интер-

претация (включая и искаженные трактовки), ответ на него и прочие реакции, даже невысказанные сразу, но проработанные мозгом – становятся, в той или иной мере, импульсами для расширения и углубления общего ментального процесса. Обмен мнениями поставляет материал для генерации новых значений, новых смыслов, которые начинают «работать» на «переснащение» коллективного разума и, впоследствии, мотивов коллективного действия. Расширение и совершенствование коммуникационных технологий открывает возможности для социальных перемен. Однако какими будут эти перемены – вопрос открытый. Маклюэн ставит его так: «не может ли нынешний перевод всей нашей жизни в духовную форму информации превратить весь земной шар и весь род человеческий в единое сознание?» [Маклюэн, 2004, с. 73].

Кастельс уверен, что «каждая новая коммуникационная технология – от печатного станка до интернета – работает на ослабление авторитета власти, устанавливая связи, разрушающие барьеры индивидуального опыта, открывая дорогу альтернативным проектам организации социума» – эта мысль наиболее отчетливо описывает прогрессивную тенденцию изменения социально-политических отношений [Кастельс, 2017, с. 11].

Процесс социально-политической интериоризации в сетевых условиях приобретает ка-

чество гибкости и пластичности, позволяющее менять свой вектор в зависимости от изменений, постоянно происходящих в сетевой среде. Неограниченные возможности поиска любой информации и перекрестно-сетевой процесс обмена, с одной стороны, рушит традиционные опоры «единомыслия» и «единодействия», а с другой, повышает энтропию информативного пространства. Развитие качеств неопределенности и непредсказуемости вызывает вопрос: каким образом многомерная коммуникативная сетевая система способна поддерживать свою целостность.

Социальная коммуникативная сеть обнаруживает высокую степень адаптации к изменяющимся условиям. Сетевое общество построено по принципу «сети сетей». Это означает, что любой индивидуальный интерес не имеет шансов на реализацию и развитие без сетевых связей и включенности в смысловые потоки. Сетевые связи превалируют над индивидуальными интересами, а смысловые кластеры – над физическими сообществами. Формируясь из смысловых узлов, задаваемых активными участниками информационного обмена (актерами), соединяющихся между собой передаточными цепочками посредством действия агентов-распространителей и комментаторов, коммуникативная сеть создает свои внутренние правила взаимодействия и свою дискурсивную культуру.

Образующаяся визуально-лингвистическая структура, фиксирующая на какое-то время смысловые кластеры, становится посреднической сферой между индивидуальной нейросетью и сетью социальных взаимодействий. Таким образом, она способствует формированию особых коммуникативных социальных институтов. И. Михайлов, развивая идею Л. Витгенштейна, рассматривает сетевой язык «как когнитивную надстройку над социальной сетью». Языковые выражения становятся «двунаправленным интерфейсом», осуществляющим доступ индивидуальной нейросети к значимым функциям сетей социального взаимодействия и, наоборот, доступ социальных институтов к социально важным когнитивным элементам нейросети мозга. Коммуникативная практика формирует в индивидуальном сознании особые символические метки, которые связывают язык с когнитивными кодами, управляющими социальными взаимодействиями [Михайлов, 2015]. Развитие коммуникативных социальных институтов (значимо отличающихся от политически детерминированных) содержит в себе громадный потенциал осуществления «логики медиации» [Ахиезер, 1995]. Эта логика предполагает выход на качественно новый виток социального и политического развития – эволюционный, на котором создаются новые дискурсивные пласты культуры, новый уровень развития личности,

отношений общества и личности, качественно новые социально-политические отношения. Эта логика ведет к развитию *медиативных практик* как интегративных механизмов самоорганизации и устойчивого развития социальной системы.

Реконструкция публичной сферы в сетевых условиях

Сетевая интериоризация, то есть глубокое погружение в дискурсивную среду, приводит к реконструкции базовых опор личностного сознания через выработку путей ориентации в многовекторном информационном пространстве. Процесс сетевой интериоризации вырабатывает особый механизм формирования способов восприятия многомерной действительности. В результате образуются уже не те традиционные устойчивые социальные структуры психики и рационально-инструментальные алгоритмы, которые человек в процессе жизни «прикладывает» к любым событиям и явлениям, не замечая их изменения, а гибкие, эластичные, способные быстро перестраиваться конструкты мышления.

В сетевой электронной среде окончательно размывается граница между индивидуальным и публичным, что принципиально реконструирует публичную сферу. Электронные сети по новому формируют публичное пространство, втягивая в сферу общения любого члена общества, даже того, кто никогда

прежде не интересовался вопросами, выходящими за рамки частной жизни. Сетевая интериоризация вынуждает пассивного реципиента информации включать скрытые, вытесненные в подсознание в идеологически заданных условиях интеллектуально-рефлексивные механизмы. Важнейшим явлением качественной трансформации публичной сферы стал, по определению Кастельса, переход от массовой коммуникации, управляемой властным центром, к социальной самокоммуникации, понимаемой «как процесс интерактивной коммуникации, потенциально доступной для массовой аудитории,... в рамках которой производство сообщений осуществляется пользователем самостоятельно,... а восприятие и реструктурирование контента, полученного из электронных коммуникационных сетей, – произвольное» [Кастельс, 2017, с. 9].

Возникновение явления массовой самокоммуникации стало значимым следствием технологической децентрализации медиа-сетей. Глобальные телекоммуникационные компании, создав мобильные платформы коммуникации – горизонтальные сети, способствовали образованию «гибридной коммуникационной системы», в которой конкурентным образом схлестнулись вектора влияния центра политической власти с подконтрольными ему традиционными СМИ, крепнущей власти специалистов-модераторов интернета, использу-

ющих гибкие цифровые технологии, и борющейся «за умы» власти социальных центров критического мышления. Сетевая публичная сфера приобретает качественно новые характеристики, становясь центром социально-политической жизни. На этом этапе развития общество перестает быть объектом – целевой аудиторией распространения информации для власти и пассивным легитиматором властно-субъектных решений. Оно активно включается в процесс принятия решений в своих интересах и само становится ключевым коллективным субъектом политических изменений, создавая очаги «контрвласти» через перепрограммирование всего коммуникативного пространства. Социокультурное самопроизводство массмедиа окончательно подрывает доминирующую медиапрактику. Институт единовластия, «оставшись без объекта, теряет смысл» [Мартьянов, 2015, с. 45].

Таким образом, теряет смысл отделение «политического» в «особую» «автономную» сферу человеческой деятельности, несводимую к другим сферам» [Сморгунов, 2014, с. 11], и, соответственно, претерпевает очередную трансформацию само привычное понятие «политического». Границы между «политическим» и «социальным» энергично размываются, «политическое» становится все более проницаемым для общественного влияния. «Политическое» становится «социополитическим». Политические «си-

стемы» и «структуры», строящиеся на жестких правилах допуска и функционирования, трансформируются в социально-политические сети, образующиеся на основе свободного взаимодействия всех заинтересованных акторов, стремящихся участвовать в формировании политических решений и их выполнении [Сморгунов, 2014, с. 26].

Сетевая интериоризация как новый формат социализации

Вовлекаясь в систему «самокоммуникации» через возобновленную на новом электронно-технологическом уровне потребность в умении пользоваться печатным словом – «письменный» индивид начинает организовывать свое ментально-когнитивное пространство совершенно иначе, нежели он делал это как пассивный реципиент информации. В электронно-сетевых условиях индивид начинает смотреть на себя и окружающий мир взглядом, преломленным через призму комментариев и интерпретаций. Но это уже не просто командно-ролевые механизмы социализации [Mead, 1948], где индивид усваивал готовые модели поведения в обществе, а включение в символическое пространство избранных им самим поведенческих стратегий. В отличие от монологической системы социализации, когда личность на ранних стадиях развития является объектом внедрения диспозиций мышления и поведения, задаваемых идеологически, то есть

статичной мировоззренческой матрицей, процесс сетевой интериоризации имеет принципиально иной характер. Он предполагает, напротив, разрушение монологичности информационного влияния и объектности личностной позиции в коммуникативном пространстве. Становясь центром фокуса разнонаправленных векторов информационных потоков, формирующаяся личность вынуждена быстро выстраивать внутреннюю структуру реагирования – восприятия значимого и отсеивания незначимого контента и мысленного формирования ответов на встречающиеся мнения и оценки.

Таким образом, объектный статус формирующейся личности довольно быстро трансформируется в субъектный. Необходимость произведения выбора запускает мыслительную деятельность не просто в формате усвоения информации, но в динамично-процессуальном наращивании многомерной, голографически образной коммуникативной компетентности и развитии критического мышления. Усвоение унаследованных из культурной традиции внешних императивов происходит одновременно с их многократно ускоренным осмыслением и преломлением через аккумуляцию собственного опыта. Концептуальное разделение процесса социализации на первичную и вторичную стадии [Berger, Luckmann, 1973] теряет свое бытийное основание, так как обе стадии сливаются в од-

ну в условиях технологического «сжатия» временного измерения жизни. В образовательном процессе стремительно меняются цели и ориентиры. Накопление знания происходит уже не через заучивание «правильных» ответов на «поставленные» вопросы, а через поиск ответов на возникающие у самой личности вопросы, через быстрое расширение кругозора и выработку практик участия в информационных обменах и дискуссиях. Процесс «самокоммуникации», объективно ослабляет острую социальную необходимость в специалистах-экспертах той или иной области знания и способствует развитию потенциала для каждого индивида стать «самому-себе» экспертом. Процесс сетевой интериоризации чреват, с одной стороны, инвертизацией индивидуальности, то есть развитием качества субъектности и самодостаточности, но с другой, развитием подсознательной зависимости от выбранной смыслообразующей среды.

В дальнейшем мыслительная работа происходит в русле осознанного или неосознанного подчинения выбранной смысловой и лингво-символической структуре с последствиями все более активного втягивания, вовлечения в логику саморазвития этой структуры. Однако в условиях постоянно расширяющегося цифрового коммуникативного пространства процесс социализации приобретает «сетевое» качество гибкости, которое препят-

ствует формированию жесткого каркаса для любой социальной или политической позиции, и цементирования «единого мировоззрения». В технологически переоснащенной коммуникативной среде социальное взросление личности происходит гораздо раньше, чем в традиционных условиях. Важным становится овладение навыками ориентации в дискурсивной ситуации – различение качества информации, способность отличия истины от лжи, распознавание попыток манипулятивного воздействия; причем чем более технологически изощренными становятся эти попытки, тем большей скорости реагирования и гибкости ментального распознавания требуется от личности. Таким образом, опасения, что глобальная информационная паутина будет способствовать унификации массового сознания представляются несостоятельными. Создание универсальных технологических кодов информационного обмена объективно способствуют не унификации способов мышления, а выработке механизмов согласования совершенно различных точек зрения, нахождению точек их соприкосновения и достижения оптимальных моделей социального согласия.

В киберпространстве активно мыслящие члены общества становятся публичными гражданскими наблюдателями за любыми социальными и политическими действиями. Среди массы разношерстных мнений, эмоциональных реак-

ций и интерпретаций, генерирующих новые мнения и реакции, выделяются кластеры доминирующих на данный момент интересов и ценностей, задающих социальный тон и определяющих вектора реструктуризации социальных отношений. Задокументированные с помощью видеосъемки событие, мнения, суждения, ответы и реакции, высказываемые в сети, образуют смысловые узлы, ядром которых становится ключевой критический посыл всему обществу, формирующий ячейку мотивационной матрицы участия в социально-политической жизни.

Общественное сознание как «эффект сетевых взаимодействий» – проблемы и перспективы

Общественное сознание в новых сетевых условиях качественно меняет свою структуру, заряжаясь энергией социального, культурного и политического преобразования, выходящую за пределы дискурсного поля в пространство социального действия. В условиях активного развития дискурсивных процессов существенно изменяются традиционные отношения власти и общества. Общественный резонанс по любому значимому событию социальной и политической жизни вынуждает политические и управленческие элиты менять привычные стратегии и методы реагирования. Получившие широкий резонанс события «протестного лета» 2019 года определили новый этап в раз-

витии социально-политических отношений. Противоречивость реакций власти на общественную активность – от вынужденных отступлений до применения неадекватно жестких силовых мер подавления – свидетельствуют о серьезном потрясении всей системы политических и управленческих установок. И хотя политическая турбулентность на данном этапе дает немало шансов на выработку в ближайшем будущем работающих механизмов социального примирения, она знаменует начало развития нового тренда социально-политического взаимодействия, в котором общественное мнение будет играть все более заметную роль.

Тем не менее сам факт вовлеченности в сетевой дискурс не меняет автоматически ключевые опоры традиционной матрицы массового сознания. Включение в дискурсивный процесс на начальных стадиях активизирует поверхностные слои сознания и побуждает к вербальной экстерииоризации, то есть выплеску в коммуникативное пространство, уже готовых, сформированных ментальных позиций и установок. И держатели твердых позиций вполне способны оказывать упорное и мощное сопротивление любым новым идеям и смыслам.

Индивидуальный мозг, как известно, всегда склоняется к поддержке привычных смыслов, сформированных на самых ранних стадиях развития. Такая работа мозга,

диктуемая необходимостью упорядочения окружающего пространства и рутинизации каждодневного процесса жизни, обеспечивается силой сложившихся в раннем опыте ассоциативных связей, делающих возможным базовую ориентацию и деятельность. Сталкиваясь с провокационным материалом, способным внести сомнение в «картину мира», любой индивид первоначально инерционно склоняется на рельсы уже сложившихся интерпретационных «фреймов» до тех пор, пока информация о какой-то происходящей реальности не оказывается сокрушительной для прежней позиции. Сама по себе информация, любого свойства, в современном многоголосом и изменчивом медиа-пространстве не способна оказывать решающего воздействия на защищенное устойчивыми «фреймами» сознание пользователя. Она требует убедительного фактического подкрепления. Но даже фактор очевидности не всегда способен «сбить» заложенный интерпретационный алгоритм. Пока информация о тех или иных действиях кардинально, на субстанциальном уровне, не противоречит прочно закрепленной в когнитивном коде установке, интерпретация даже сомнительных с определенной точки зрения действия подчиняется оправдательным формулам, типа: «поднимаются налоги, зато вкладываются деньги в безопасность», «применяется сила и жестокость, зато обеспечивается

порядок». И лишь когда производятся действия, угрожающие разрушению базовых принципов культурной матрицы, в массовом сознании происходит сбой интерпретационной логики. Акт повышения пенсионного возраста в 2018 г. стал значимым маркером, разрушившим стержневой тезис «заботы власти о народе», на котором строилась вся коренная общинная матрица мировоззрения большинства россиян. Слом основного стержня повлек за собой серьезный крен всей вертикальной идеологической конструкции, скрупулезно восстанавливаемой с 2000-х гг. Сменился интерпретационный вектор – все те же действия, которым прежде находилось оправдание, теперь интерпретируются зеркально-противоположным образом. Повышение налогов, снижение реальных доходов населения трактуется как уже ничем не оправданное изъятие денег у населения: «помогают кому угодно, только не собственному народу», «повышают зарплату только себе, а народ нищает» и пр. При накоплении объема сомнений и достижения пороговой точки эмоционально-ментального раздражения алгоритм выбора информации кардинально меняется – выбор производится в пользу любой информации, подтверждающей и укрепляющей сомнения.

Однако изменение интерпретационного вектора далеко не идентично процессу поиска новых значений и смыслов. Крепость ассоци-

ативных узлов заставляет массовое сознание искать способы погашения раздражающих стимулов и решения проблем в глубинных слоях структуры мозга. «Картина мира» требует самовоспроизводства – восстановления нарушенной раздражителями целостности. Выпавшие из матрицы элементы заменяются внешне подобными, и образовавшиеся пустоты заполняются «старым» материалом, пусть уже когда-то использованным, но доказавшим свою пригодность и прочность. Неслучайно в моменты социального кризиса, который неизбежно наступает при накапливающимся несоответствию управленческих методов изменяющейся практике, массовое сознание обращается к временам общего успеха, удач, побед, примерам былого героизма. Компенсаторные механизмы сознания облегчают стрессовые состояния текущих неудач, иллюзорно освобождают от необходимости справляться с проблемами, вытесняют на какое-то время потребность в напряжении усилий для разработки новых путей решения возникающих вопросов.

Весь процесс социальной интерпретации и конструкции реальности проходит диалектический круг возврата на прежние позиции, с тем чтобы достичь осознания необходимости их отрицания, как отживших свой век, и тогда только, на уровне новых поколений, заряженных энтузиазмом и молодой энергией, обратиться к поиску но-

вых смыслов. Импульсы к их поиску возникают у наиболее пытливых и активных представителей новых поколений, у которых процесс интериоризации социальных и политических смыслов происходит уже в других условиях, у которых «картина мира» еще не зацементирована, а наоборот, открыта для всех витающих в дискурсном поле идей. Именно в молодежной среде, проходящей ускоренный курс социализации и политизации благодаря цифровым технологическим возможностям, создаются условия благоприятствования поиску и поддержке новых смыслов.

Тем не менее, сегодня, несмотря на заметное, отмечаемое многими исследователями, начало процесса эмансипации общественного сознания, широкие слои населения, прошедшие социализацию в вертикально-иерархический советский период, далеко не сразу обнаруживают готовность к осознанной коммуникации по поводу собственных интересов и ценностей. Эволюция системы ценностей пока привела к выделению из массы групп гражданских активистов, осознанно декларирующих различные социальные и политические предпочтения, но пока не привела к созданию механизмов достижения договоренностей – коммуникативного баланса в условиях усиливающегося разнообразия мнений. И это является основной задачей социально-политического развития России на ближайшую перспективу.

Библиографический список

1. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры / пер. с англ. А. Юдина. Киев : Ника-Центр, 2004. 432 с.
2. Маклюэн М. Понимание Медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Г. Николаева. Москва : Гиперборей ; Кучково поле, 2007. 464 с.
3. Кастельс М. Власть коммуникации: учеб. пособие / пер. с англ. Н. М. Тылевич ; пер. с англ. предисловие к изд. 2013 г. А. А. Архиповой ; под науч. ред. А. И. Черных. Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 591 с.
4. Михайлов И. Ф. К гиперсетевой теории сознания // Вопросы философии. 2015. № 11. С. 87-98.
5. Ахиезер А. С. Россия: некоторые проблемы социокультурной динамики // Мир России. 1995. No 1. С. 3-57.
6. Мартъянов Д. С. От сетевой идентичности к политике идентичности в сети интернет: смена парадигмы? // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2015. Вып. 1. С. 44-52.
7. Сморгун Л. В. Политические сети. Теория и методы анализа / Л. В. Сморгун, А. С. Шерстобитов. Москва : Аспект Пресс, 2014. 320 с.
8. Mead G. Mind, Self and Society. Univ. Of Chicago Press, Chicago & London. 1948. 401 p.
9. Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge. Penguin Books. 1973. 256 p.

Bibliograficheski spisek

1. Makl'ujen M. Galaktika Gutenberga: Sotvorenije cheloveka pechatnoj kul'tury / per. s angl. A. Judina. Kiev : Nika-Centr, 2004. 432 s.
2. Makl'ujen M. Ponimanie Media: vneshnie rasshirenija cheloveka / per. s angl. V. G. Nikolaeva. Moskva : Giperboreja; Kuchkovo pole, 2007. 464 s.
3. Kastel's M. Vlast' kommunikacii: ucheb. posobie / per. s angl. N. M. Tylevich ; per. s angl. predislovie k izd. 2013 g. A. A. Arhipovoj ; pod nauch. red. A. I. Chernyh. Moskva : Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2017. 591 s.
4. Mihajlov I. F. K gipersetevoj teorii soznanija // Voprosy filosofii. 2015. № 11. S. 87-98.
5. Ahiezer A. S. Rossija: nekotorye problemy sociokul'turnoj dinamiki // Mir Rossii. 1995. No 1. S. 3-57.
6. Mart'janov D. S. Ot setevoj identichnosti k politike identichnosti v seti internet: smena paradigmy? // Vestnik SPbGU. Ser. 6. 2015. Vyp. 1. S. 44-52.
7. Smorgunov L. V. Politicheskie seti. Teorija i metody analiza / L. V. Smorgunov, A. S. Sherstobitov. Moskva : Aspekt Press, 2014. 320 s.
8. Mead G. Mind, Self and Society. Univ. Of Chicago Press, Chicago & London. 1948. 401 p.
9. Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge. Penguin Books. 1973. 256 p.